

Эрик ван Альтен

Война: акт справедливости и жизнь ученичества

Исследование традиции «справедливой войны»

Аннотация

В последнее десятилетие возрождается интерес к традиции «справедливой войны», в том числе и со стороны известных мировых лидеров. Однако эту традицию можно рассматривать с самых разных сторон, и при этом довольно легко прийти к слишком упрощенной, секуляризированной форме концепции «справедливой войны», когда разные ее элементы как бы вносятся в анкетный лист, где напротив каждого из них лишь ставится нужная галочка. Мы нуждаемся в особом, христианском подходе, когда главным принципом выступает Божья справедливость, и который влияет на всю христианскую жизнь ученичества. Преимущество особой христианской позиции относительно «справедливой войны» состоит в том, что она предлагает всеобъемлющий подход, который не привязан только к военным батальям, а затрагивает всю жизнь перед лицом Божиим.

1. Введение

Десятого декабря 2009 года президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама выступил с речью «Справедливый и прочный мир», по случаю вручения ему Нобелевской премии мира, которой он был удостоен¹. Почти половина речи Обамы была посвящена тому, чтобы защитить возникающую время от времени необходимость вести войну ради установления и сохранения мира. Тем самым президент косвенно отреагировал на критические замечания о том, что Комитет по Нобелевским премиям принял решение наградить наивысшей премией мира главу государства, который всего неделю назад объявил о вторжении американских войск в Афганистан. В своей речи президент пытался опровергнуть утверждение, что война в Афганистане (и в любом другом месте) и получение Нобелевской премии мира – несовместимые события.

¹ Приведенные сведения и цитаты изданной речи взяты с официального сайта Нобелевской премии, Nobelprize.com, http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2009/obama-lecture_en.html. Однако он не содержит ссылок на номера страниц, поскольку сам доклад не пронумерован.

Его вывод относительно данного кажущегося противоречия состоит в том, что война может использоваться как инструмент для сохранения мира, но в то же время он признает и то, что на определенном уровне война является проявлением человеческой неадаптивности.

Рассуждая о том, что иногда война необходима, Обама ссылается на концепцию «справедливой войны», рассматривая ее как способ регулировать разрушительную силу войны. Само это определение, как он говорит, подразумевает, что война является правомерной только в случае соблюдения определенных условий. Такими условиями, по словам президента, являются: применение военной силы как последнего средства или же в целях обороны, соразмерное применение военной силы, недопущение насилия по отношению к гражданскому населению, если это возможно. Несколько позднее он кратко подытожил: «Там, где применение военной силы является необходимым, мы нравственно и стратегически заинтересованы в том, чтобы быть связанными определенными правилами поведения». Обама полагает, что Соединенные Штаты Америки и он лично как верховный главнокомандующий образцово соблюдают данные правила поведения во время войны и должны продолжать это делать и впредь. Какова же конечная цель такой возвышенной позиции? Обама заявляет, что Соединенные Штаты Америки ведут войну согласно данных принципов не с целью навязывания своей воли другим народам. Они ведут войну, «основываясь на просвещенном эгоизме – потому что мы стремимся к лучшему будущему для наших детей и внуков, и верим: их жизнь будет лучше, если дети и внуки других народов будут жить свободно и процветая».

Учитывая это краткое изложение речи Обамы (в котором, как я надеюсь, его слова не были искажены), нет более нужды доказывать практическую ценность темы о справедливой войне. В конце концов, президент Соединенных Штатов Америки – «крупнейшей военной мировой сверхдержавы» (как сам Обама в своей речи называет свою страну), заявил, что его страна, с целью сохранения мира во всем мире, стремится действовать согласно принципам «справедливой войны». Уже одного этого заявления достаточно, чтобы показать актуальность избранной нами темы. Она тем более актуальна, если учесть, что США в настоящее время ведут войну на нескольких фронтах, а на момент написания данной статьи – рассматривают вопрос об обеспечении оружием украинских вооруженных сил для ведения войны против поддерживаемых Россией боевиков.

Однако, согласно замыслу данного журнала и убеждениям автора, тема «справедливой войны» будет обсуждаться здесь с христианской

точки зрения², о которой президент Обама не упомянул (не то, чтобы кто-то ожидал, что он это сделает). Это наблюдение само по себе показывает, что *традиция* «справедливой войны» не выглядит как монолит, но что она была подвержена влияниям нескольких различных идеологических, религиозных и политических течений³. При этом, с христианской точки зрения, вопрос может быть поставлен и так: допустимо ли вообще вести речь о «справедливой войне», не принимая в расчет справедливость Бога Писания? Кроме того, возникает еще один вопрос: какими будут последствия в случае, если Божью справедливость не брать во внимание? Или, прав ли Эрих Фрайбергер, когда говорит, что некоторые люди ошибочно связывают теорию «справедливой войны» исключительно с христианством, и что корни данной теории, которые следует искать в стоическом универсализме Цицерона, позволили мыслителю эпохи Возрождения Гуго Гроцию очистить ее от христианских предпосылок и сформулировать в более инклюзивном духе?⁴

В начале данной статьи будет сделан краткий исторический обзор традиции «справедливой войны». Затем будут обсуждаться отдельные принципы традиции «справедливой войны». Наконец, как самое важное, будет сделана попытка сформулировать отличительный христианский акцент в данной традиции.

2. Исторический обзор традиции «справедливой войны»

Данный раздел ставит своей целью сделать краткий исторический обзор наиболее значительных представителей традиции «справедливой войны»⁵, а также дать объяснение терминам, которыми они пользовались для описания своих взглядов по этому вопросу. Эти термины используются и в наше время, когда затрагиваются вопросы «справедливой войны», как это, в частности, видно в Нобелевской речи президента Обамы. Поэтому

² Статья не содержит обсуждения этического вопроса о том, является ли ведение войны правильным или неправильным. Она исходит из предпосылки о том, что Библия не содержит неодобрительного отношения к войне как к таковой. Для более широкого обсуждения по этому вопросу см. J. Douma, *Gewapende vrede* [Ethisch commentaar 6] (Kampen: Kok, 1980).

³ См. P. Robinson (ed.), *Just War in Comparative Perspective* (Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2003).

⁴ E. Freiberger, *Just War Theory and the Ethics of Drone Warfare*, <http://www.e-ir.info/2013/07/18/just-war-theory-and-the-ethics-of-drone-warfare/>.

⁵ Вследствие ограниченного пространства обзор будет в силу необходимости коротким, в нем будут упомянуты и будут обсуждаться только наиболее важные фигуры.

нам будет полезно иметь представление о корнях такого мышления. Кроме того, раздел послужит необходимым фоном для обсуждения современного христианского взгляда.

С тех пор, как на земле происходят войны, существуют различные виды предписаний и ограничений относительно того, как следует вести войну. Однако впервые термин «справедливая война» применил античный мыслитель Аристотель (384-322 гг. до Р. Х.). Под «справедливой войной» он подразумевал, что война и военная доблесть не являются самоцелью, а за войной стоит некая высшая цель, например, мир или процветание⁶. Другие классические мыслители также высказывали свои соображения, которые впоследствии стали частью традиции «справедливой войны». Например, в платоновской «Республике» Сократ учит о том, что ради будущего мира грекам следует ограничить свои разрушительные действия⁷. Римский философ Цицерон (106-43 гг. до Р. Х.) в своем труде «О республике» развил эти положения. По его мнению, справедливой считается та война, которая ведется с целью обороны или устранения несправедливости, допускаемой в отношении народа. Для того чтобы война была справедливой, она должна быть объявлена; к ней можно прибегнуть только как к последнему средству, предварительно предоставив противнику все возможности самостоятельно устранить свои несправедливости⁸. Кроме того, только солдатам позволяется принимать участие в войне, а целью войны должно быть не разрушение, а восстановление мирных взаимоотношений⁹. Таким образом, уже в классических трудах Аристотеля, Платона и Цицерона можно найти элементы, ставшие впоследствии важными принципами традиции «справедливой войны»: принципы справедливой причины, справедливых намерений и соразмерности.

Традиция «справедливой войны» получила еще более значительное развитие в трудах христианских богословов, таких как Амвросий и Августин. Амвросий (340-397 гг.) явно основывался на трудах Цицерона, но в то же время дополнил его взгляды, в соответствии с собственными глубокими религиозными убеждениями¹⁰. Помимо тех взглядов, которых

⁶ D.M. Bell, *Just war as Christian discipleship. Re-centering the Tradition in the Church rather than the State* (Michigan: Brazos Press, 2009), 25-26.

⁷ Plato, *Republic*, transl. G.M.A. Grube (New York: Hackett Publishing, 1992), 470 a-b.

⁸ K.M. Mattox, *St. Augustine and the theory of just war* (London / New York: Continuum, 2006), 17.

⁹ Bell, *Just war*, 26.

¹⁰ Для более детального рассмотрения позиции Амвросия относительно «справедливой войны» см. Mattox, *St. Augustine*, 19-23.

придерживался Цицерон, Амвросий был убежден, что существует религиозная причина для войны, в том числе в виде сдерживания распространения ереси и защиты истинной веры от язычников¹¹.

Родоначальником традиции «справедливой войны» многие считают ученика Амвросия – Августина Гиппонского. Его взгляды на «справедливую войну» не изложены систематизировано в каком-то одном труде, а разбросаны во многих его сочинениях. Важное место в его понимании «справедливой войны» занимает истолкование текста из Евангелия от Матфея, гл. 26 (где Иисус упрекает Петра за то, что тот обнажил меч)¹². Этот отрывок рассматривается Августином не с точки зрения неприкосновенности человеческой жизни, а с позиции права власти: кто обладает законным правом лишить жизни кого бы то ни было? По мнению Августина, Бог обладает суверенной властью над жизнью и смертью. Однако в двух случаях Бог делегирует такую власть человеку: во-первых, Господь наделяет этой властью тех, кто находится на государственном посту, и, во-вторых, люди получают такое право в тех случаях, когда Бог особым образом им это заповедует. Таким образом, если кто-то действительно наделен властью лишать жизни, такой человек не является «изымающим меч», но, фактически, меч ему уже вручен – либо посредством особой заповеди, либо благодаря положению обладающего властью¹³.

В основе рассуждений Августина лежит взгляд о том, что «справедливая война» является проявлением любви, поскольку христиане научены любить своих врагов не только в повседневной жизни, но также и в исключительных обстоятельствах войны. Этот подход тесно связан со взглядами Августина на самооборону (которую он считает неправомерной). Когда христиане, подвергаясь нападению, отказываются защищать лично самих себя, их поведение призвано показать пример недоброжелателю и привести его к раскаянию и к изменению, а также к восстановлению мира. Подобным же образом, хотя это кажется противоречивым, целью ведения «справедливой войны» является обращение несправедливого противника от ложных путей к переменам и возврат к общению мира и справедливости. В этом смысле Августин может называть «справедливую войну» разновидностью суровой любви¹⁴. Для Августина именно это определяет как причину, так и цель «справедливой войны».

¹¹ Bell, *Just war*, 27.

¹² Mattox, *St. Augustine*, 4-5.

¹³ Bell, *Just war*, 29-30.

¹⁴ Bell, *Just war*, 30-31.

Представителем следующего этапа развития темы в нашем историческом обзоре будет средневековый монах Грациан (XII в.), который собрал официальные заявления и постановления церкви за предыдущие столетия и опубликовал их вместе со своими комментариями. Грациан выделяет три причины ведения войны, которые он квалифицирует как справедливые: отражение неправомерно проводимой агрессии, возврат захваченного несправедливым путем, возмещение нанесенного ранее ущерба. Кроме того, справедливой он называл такую войну, которая ведется для защиты веры от еретиков и язычников. Отвечая на вопрос, какая власть обладает правом вести справедливую войну, Грациан заявляет, и в этом он вторит Августину, что «справедливая война» может вестись только согласно особой заповеди Божьей или уполномоченными Богом, то есть органами власти¹⁵.

Является ли таким органом церковь? Два фактора сделали поставленный вопрос особенно насущным. Во-первых, на то время не было единого, стабильного политического субъекта, который обладал бы монополией на вооруженные силы и оружие. Князья, короли и папы в равной степени боролись за обладание властью, как в светских, так и в церковных сферах. Во-вторых, это было время крестовых походов, когда религиозные войны неизбежно ставили вопрос о власти церкви. Зная о том, что Грациан включает защиту веры в число справедливых причин, не стоит удивляться тому, что он оправдывал действия церкви, когда она начинает преследование еретиков, а также войны во имя защиты веры. В этот период времени возникает интересный обычай, требовавший от воинов епитимии, в том числе и от тех солдат, которые участвовали в «справедливой войне». Вполне вероятно, что ожидание епитимии порождалось признанием того, что нравственную жизнь вести трудно. Во время сражения сделать правильный нравственный выбор было еще труднее, и, таким образом, вполне вероятно, что даже праведный воин мог оказаться виновным в совершении какого-либо рода зла, поэтому он нуждался в исповедании и восстановлении.

Стоит вспомнить еще двух средневековых богословов – Фому Аквинского (1225-1274) и Франциско де Виторию (1485-1546). Они не создали ничего оригинального по этой теме, но смогли собрать воедино различные направления традиции «справедливой войны». Аквинат определил три критерия «справедливой войны»: *законная власть*,

¹⁵ Ibid., 41-43.

справедливая причина и праведные цели, а также последовательно разработал их в духе учения Августина.

В результате трудов по систематизации воззрений, предпринятых Франциско де Витория, возникают определения, которые впоследствии станут известны как *jus ad bellum* (лат. – «право на войну») и *jus in bello* (лат. – «порядок ведения войны»). Здесь стоит особо выделить некоторые аспекты. Хотя Франциско де Витория и признавал право князей и королей на ведение войны, но для объявления войны очень важными ему представляются мнения мудрых и заслуживающих доверия людей, а также мнения масс (а не единиц). Говоря о справедливой причине, Витория повторяет традиционные пункты, а именно отражение активной агрессии, возвращение несправедливо отнятого, возмездие (в первую очередь, в значении восстановления нравственных норм). Основываясь на подобных воззрениях, он проводит различие между оборонительными войнами (которые направлены на оборону или возвращение права собственности) и наступательными (начатые с целью возмещения ущерба). Кроме того, Витория был одним из первых, утверждавших, что войны не могут вестись из-за религии. Неверие не может считаться основанием для ведения справедливой войны, если только народ не запрещает проповедь евангелия и не нападает на христианскую веру. Еще одним важным элементом учения Витории является концепция соразмерности, что влечет за собой сравнение пользы от победы в войне с огромными расходами (материальными, финансовыми, человеческими и др.), неизбежными даже в «справедливой войне». Принцип соразмерности относится как к принятию решения о вступлении в войну, так и к собственно ведению войны. Наконец, Витория также является автором принципов справедливого ведения войны. В них входят такие элементы, как неприкосновенность невинных, надлежащее обращение с воинами противника (военнопленными), моральное равноправие солдат, отношение к захвату имущества победившей стороной¹⁶.

Последним выдающимся представителем этой традиции, на которого обратим внимание, является Гуго Гроций (1583-1645). Гроций жил в тот период времени, когда общественное влияние церкви существенно ослабло. Возник вопрос: как предотвратить войну в мире, который больше не придерживается христианских убеждений? Вопрос побудил Гроция ясно сформулировать две взаимосвязанных, но четко различных нравственных нормы во время войны. С одной стороны, нормы представляют собой предписания естественного права и международного

¹⁶ Ibid., 48-53.

права. С другой же стороны, они выражают требования нового закона, содержащегося в Евангелии. Естественное или международное право выступает в качестве нравственного минимума, как воплощение минимальных норм справедливости во время войны, соблюдение которых можно было бы ожидать. В противоположность им существуют евангельские принципы, требующие большего, и которые применимы, в первую очередь, к христианам¹⁷. Еще один важный аспект во взгляде Гроция относительно «справедливой войны» состоит в том, что он расширил принцип справедливой причины и включил в него так называемый упреждающий удар. Гроций заявляет, что «ущерб, который несет угрозу либо человеку, либо собственности, но еще не причинен», можно рассматривать в качестве справедливой причины для войны¹⁸. Точка зрения Гроция в отношении естественного права, действующего как нравственный минимум для «справедливой войны», была в конечном итоге позаимствована другими и получила свое развитие в международном праве¹⁹.

3. Традиционные принципы «справедливой войны»

Несмотря на краткость, предыдущий раздел все же позволяет понять главные традиционные принципы «справедливой войны». В этом разделе мы рассмотрим их подробнее. Кроме того, будут раскрыты ряд положений, содержащихся в Священном Писании, вместе с их практическим применением; также будет поставлен ряд «прощупывающих» вопросов. Однако мы делаем это для того, чтобы следующий раздел можно было понять, исходя из выводов текущего, поскольку он дает важную перспективу.

В рассуждениях о «справедливой войне» довольно распространенным стало проводить различие между *jus ad bellum* (касательно вступления в войну) и *jus in bello* (касательно ведения войны), с целью классификации разных характеристик «справедливой войны». Согласно Эриху Фрайбергеру, теоретики «справедливой войны» с самого начала задавались вопросами: когда представляется целесообразным вступать в войну (*jus ad bellum*) и как следует вести войну (*jus in bello*)²⁰. Однако

¹⁷ Ibid., 55-57.

¹⁸ Н. Grotius, *De Jure Belli ac Pacis Libri Tres*, transl. by F.W. Kelsey (Buffalo: Hein, 1995), II.22.10.1.

¹⁹ См. Freiberger, *Just War*, см. также Bell, *Just war*, 61-63.

²⁰ Freiberger, *Just War*.

О’Донован оспаривает это, когда говорит, что *jus ad bellum* и *jus in bello* являются современными, а не традиционными понятиями²¹. Судя по историческому обзору, создается впечатление, что хотя данные технические термины могли и не использоваться до недавнего времени, вопросы о том, когда представляется целесообразным вступить в войну (*jus ad bellum*) и как следует вести войну (*jus in bello*), поднимались с очень давних времен. Поэтому термины *jus ad bellum* и *jus in bello* могут служить полезными понятиями.

3.1 *Jus ad bellum* (лат. право на войну)

В категорию *Jus ad bellum* обычно попадают следующие принципы.

Компетентная, законная власть: решение начать войну может быть принято только человеком или группой людей, которые по общему признанию обладают правом принимать подобные решения. Другими словами, той личностью, над которой не существует более высокой политической власти. На протяжении всей традиции соблюдался принцип, состоящий в том, что христианам в частном порядке не позволяется воздавать злом за зло (Мф. 5:38, 43; 1 Пет. 3:9; 13-18). Послание к Римлянам 12:19-21 является, пожалуй, наиболее ясной иллюстрацией данного принципа. Однако правильный герменевтический принцип толкования Писания в его собственном контексте тут же направляет читателя к тексту Римлянам 13:1-5. Несмотря на то, что в личных отношениях нам не позволено прибегать к мести, поскольку это Божья прерогатива (Рим.12:19), Он совершает отмщение посредством законных властей (Рим.13:4). Начальник носит меч не только для поддержания внутреннего порядка (полиция), но и для ведения войны с внешними силами (армия). Наличие у власти полномочий для объявления и ведения войны неизбежно ставит вопрос о гражданской ответственности тех, кто призывается для участия в войне. Входит ли в обязанность каждого гражданина «перепроверять» власти? Данный вопрос еще более осложняется тем, что власти часто не вправе разглашать информацию, которой обладают. Поэтому принято считать, что, если только нет явных причин не идти на войну, ответственность лежит на властях, а не на отдельных гражданах.

²¹ O. O’Donovan, *The Just War Revisited* (Cambridge / New York: Cambridge University Press, 2003), 15.

Справедливая причина: традиционно справедливыми считаются три причины, а именно: защита от вооруженного нападения, освобождение незаконно захваченных лиц или имущества, возмездие за причиненное зло. Когда законная власть приходит к выводу о том, что причина для начала войны является справедливой, следует ясно изложить соображения в пользу необходимости войны, чтобы показать, что все другие способы для мирного разрешения конфликта были исчерпаны (принцип «последнего средства»). Такое изложение, помимо всего прочего, способствует общественным размышлениям о том, действительно ли были исчерпаны все иные средства. Остается лишь одно замечание в отношении «справедливой причины»: утверждение Гуго Гроция о праве на упреждающий удар вызвало множество споров и вопросов, которые так и не получили удовлетворительного ответа до сих пор.

Намерения: данная характеристика относится к внутренней предрасположенности и внутренней мотивации тех, кто принимает решение о вступлении в войну. Безусловно, в данной характеристике содержатся серьезные ограничения. Возможность оценивать намерения человека или правящего органа власти ограничена. Однако внешние факторы могут служить подтверждением добрых намерений: проводились ли мирные переговоры честно; были ли выдвинутые требования разумными; ясно ли, что не будет осуществляться территориальная экспансия; не присутствует ли желание реванша или шантаж.

Последнее средство: даже те, кто обладает властью объявить войну, не подлежат оправданию, если они это сделают тогда, когда еще есть приемлемые способы избежать войны. Это значит, что сложившиеся обстоятельства должны ясно показать, что никакие средства за исключением войны не будут достаточными, чтобы удовлетворить справедливые претензии государства и возместить причиненный ему ущерб. В Писании также указывается на этот принцип, когда израильтянам было дано повеление во время выступления с намерением захватить город объявить его жителям предложение заключить мир. «Если он согласится на мир с тобою и отворит тебе [ворота], то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе; если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его» (Втор. 20:11-12).

Обоснованные шансы на успех / соразмерность: война, в которой содержится мало надежды на победу или вовсе нет надежды на то, что она будет служить средством удовлетворения справедливых претензий, с нравственной точки зрения является недопустимой. Моральное благо,

ожидаемое в результате победы в войне, должно превосходить размер зла, неизбежного при ведении военных действий. Поэтому для властей важно тщательно взвесить положительные и отрицательные стороны всех обстоятельств войны. В Евангелии от Луки 14:31-32 Иисус говорит: «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире». Поэтому, положить конец насилию, избежать дальнейшего насилия и установить мир – все это должно быть конечной целью войны.

3.2 *Jus in bello* (лат. «порядок ведения войны»)

В категорию *Jus in bello* обычно попадают следующие принципы.

Принцип различения: воюющие стороны (комбатанты), а также люди и/или материальные предметы, непосредственно имеющие отношение к войне, являются единственными объектами насильственных действий. Раненые солдаты, военнопленные, духовенство, женщины, дети и престарелые, как правило, к воюющим сторонам не приравниваются, поэтому не могут подвергаться преднамеренному нападению. Данный принцип находит свое выражение в книге Второзакония 25:17-18: «Помни, как поступил с тобою Амалик на пути, когда вы шли из Египта: как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога». Тогда Амалик понес наказание за то, что не провел различие между воинами и мирными жителями. Этот принцип с давних времен является элементом традиции «справедливой войны».

Соразмерность: это принцип использования минимальной силы с целью скорейшего приведения конфликта к справедливому окончанию. Здесь также подразумевается и запрет на применение пыток с целью получения информации, а также ограничение используемых видов оружия. Кроме того, принцип соразмерности распространяется и на будущее, где даже побежденная сторона вправе рассчитывать на перспективу мирного будущего. Данный принцип также находит подтверждение в заповеди Господа из Второзакония 20:19: «Если долгое время будешь держать в осаде [какой-нибудь] город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление».

Здесь перечислены далеко не все принципы. В историю традиции «справедливой войны» вовлекались разные личности с различными наборами принципов. Так, к принципам *jus ad bellum* добавляли также официальное объявление войны, относительную справедливость и мир как конечную цель войны. А к принципам *jus in bello* добавляли, например, верность принятым на себя обязательствам. Однако и рассмотренного нами материала достаточно, чтобы передать то, что на протяжении столетий было принято считать наиболее важными принципами войны, которая считается справедливой.

4. Новый христианский взгляд

Вместе с тем, как отмечает в своем отзыве на нобелевскую речь президента Обамы Джордж Вайгель, есть реальная опасность, что эти принципы превратятся просто в своеобразный перечень. Они просто становятся «препятствиями», которые правительство или глава государства должны преодолеть, чтобы с моральной стороны оправдать необходимость использования военной силы²². В случае такого применения концепции «справедливой войны» отправной точкой служит «презумпция против войны» (или «пацифистская предпосылка») и обязательство не причинять вреда другим²³. И только когда преодолеваются моральные препятствия, применение оружия становится оправданным. Вайгель упоминает, что подобная позиция провозглашается римо-католическими епископами Соединенных Штатов в их пасторском послании от 1983 г. «Вызов мира» и отражена в докладе Президента Обамы²⁴. Однако он отмечает, что классическая традиция «справедливой войны» не начинается с «презумпции против войны». Последняя точка зрения возникла только в конце 1960-х гг., однако она не отражает ни

²² G. Weigel, *The Just-War Tradition*, <http://www.nationalreview.com/article/228786/just-war-tradition-george-weigel>. См. также Bell, *Just war*, 74 & 78-79, где автор проводит различие между «справедливой войной» как государственной контрольной политикой (англ. Public Policy Checklist – PPC) и «справедливой войной» как христианским ученичеством (англ. Christian Discipleship – CD).

²³ См. также Bell, *Just war*, 87-89.

²⁴ Weigel, *The Just-War* прослеживает данную позицию до работ конгрегационалистского богослова Джеймса Густафсона, который убедил своей идеей (о том, что подход к обсуждению «справедливой войны» начинается, прежде всего, с нравственного обязательства не причинять вреда) другого богослова, квакера Джеймса Чайлдресса. Тот, в свою очередь, передал данную идею Брайану Дж. Хеиру, римо-католическому богослову, который был главным создателем труда «Вызов мира».

позицию Августина, ни взглядов Фомы Аквинского²⁵. Но с чего же начинала традиция «справедливой войны»?

Согласно Вайгелю, классическая традиция «справедливой войны» начиналась с обостренного стремления к *справедливости*. «Мышление в духе «справедливой войны» начинается ... с законных нравственных обязательств власти защищать всеобщее благо путем сохранения мира, под которым подразумеваются правосудие, безопасность и свобода»²⁶. Задачей справедливого правителя является обеспечение справедливости, безопасности и свободы для тех, за кого он несет политическую ответственность. Вооруженные силы являются одним из инструментов достижения этих целей. Эта позиция весьма аргументировано отстаивается Оливером О'Донованом в его книге «*Возвращаясь к справедливой войне*»²⁷, и открывает нужные двери для обсуждения нового христианского взгляда²⁸.

4.1 «Справедливая война» – справедливость как основание для войны

Первую главу в своей книге О'Донован начинает с утверждения евангельского неприятия того, что он называет антагонистической практикой, и связанных с ней ценностей. При такой практике война до победного конца является частью созидания общества, а герои войны становятся властителями дум²⁹. Такой практике должна быть противопоставлена контрпрактика, при которой не допускались бы *duellum*³⁰ (простое, непосредственное различие двух противоположностей), а противоречия между двумя сторонами

²⁵ Weigel, *The Just-War*.

²⁶ Ibid.

²⁷ O. O'Donovan, *The Just War Revisited* (Cambridge / New York: Cambridge University Press, 2003).

²⁸ См. также обсуждение Bell, *Just war*, 87-89.

²⁹ O'Donovan, *The Just War*, 4-5.

³⁰ См., например, определение, данное Карлом фон Клаузевицем в его классическом произведении «*О войне*», где он говорит, что «война — это не что иное, как дуэль в широких масштабах. Если бы нам пришлось подытожить сумму несчетного количества дуэлей, составляющих войну, то наилучшим образом мы бы сделали это в образе двух борцов. Каждый из них старается, применяя физическую силу, принудить противника покориться его воле: каждый пытается сделать бросок и, таким образом, сделать соперника неспособным к дальнейшему сопротивлению. Следовательно, война является актом насилия, имеющим намерение вынудить противника к принятию воли победителя».

преодолевались властью единого Бога в Его едином Царстве³¹. Согласно мнению О'Донована, обе стороны поставлены перед престолом Божиим, перед тем единственным местом, где только может быть свершено правосудие.

При этом встает вопрос, как должна проявляться подобная контрпрактика? Если критикуемая практика представляет собой насилие и войну, то должна ли контрпрактика представлять собой *мир*? Мир сам по себе, как говорит О'Донован, в качестве контрпрактики не достаточен, чтобы противостоять насилию. Скорее, нам нужен мир, побеждающий противостояние; необходимо служение примирения³². С одной стороны, это может происходить внутри общины верующих, где противники прощают друг друга и становятся братьями и сестрами в Господе. А с другой стороны, это может также произойти и внутри светского общества, где это принимает форму правосудия. О'Донован называет это «государство как правосудие», политический акт, который также может выразиться как реакция на преступление войны (под которым подразумевается несправедливая война). Подводя итог, он говорит:

Результат этого акта правосудия, когда он имеет успех, подобен результату любого другого акта правосудия: закон, регулирующий взаимоотношения между сторонами и обеспечивающий условия по поддержанию мира в дальнейшем. Евангельская контрпрактика войне, таким образом, сводится к следующему: вооруженный конфликт может и должен быть переосмыслен как чрезвычайное продолжение обычного акта правосудия; он может быть и должен быть подвергнут ограничениям и порядку обычного акта правосудия. Столкнувшись с преступлением войны, справедливость может восторжествовать посредством вооруженного конфликта, но только если он проводится в рамках закона и соответствует законным формам правосудия³³.

В свете данных высказываний О'Донован предпочитает говорить не о «справедливой войне», а только о том, как обеспечить справедливость даже в условиях развернутых военных действий. Понимая, что в распоряжении у правосудия имеются те же материальные средства, что и

³¹ O'Donovan, *The Just War*, 2 & 5.

³² *Ibid.*, 5.

³³ *Ibid.*, 6.

у преступности, необходимым средством остается вооруженный конфликт, потому что именно через вооруженный конфликт совершается преступление войны³⁴. Тогда как христианский пацифизм ограничивает *активную* контрпрактику границами сообщества верующих, рассматривая стойкость и мученическую смерть как пассивную контрпрактику, которая требуется во внешнем мире, О'Донован рассматривает страдание и мученичество как предел, когда возможности истинного правосудия исчерпывают себя в условиях внешнего мира.

«... обязательства, с которыми мы сталкиваемся, не *начинаются* с мученичества; они ими *оканчиваются*, когда мы прошли столько, сколько нам позволено идти, сделали столько, сколько нам позволено делать. Мученичество, на самом деле, не является стратегией *действия* чего-либо, но свидетельством Божьей верности, когда ничего больше не остается делать. Проще будет сказать, что мы не можем описать практику международного правосудия, только лишь указав на момент времени, в который его возможности истекают»³⁵.

Бог по Своей общей благодати предоставляет правителям возможность осуществлять институционализированное правосудие (как это ясно видно из Послания к Римлянам, 13 глава). Обычно данная власть не распространяется на сферу международных отношений. Однако «правосудие во время войны соотносится с исполнением внутреннего правосудия в такой же мере, как и срочная медицинская операция при помощи перочинного ножа в отдаленном горном домике соотносится с такой же операцией в стерильных условиях клиники»³⁶. Условия чрезвычайного положения диктуют подобное поведение и оно, как мы надеемся, приведет к тем результатам, которые исправят ситуацию и устранят необходимость постоянных чрезвычайных мер. «Это как если бы медицинская операция, наспех проведенная в горном домике, стала толчком для учреждения сети сельских больниц в отдаленных районах, способных обеспечить немедленный срочный уход на постоянной основе»³⁷. Окончательной целью является мирное взаимодействие между народами, основанное на признании международных законов.

³⁴ Ibid., 6-7.

³⁵ Ibid., 10.

³⁶ Ibid., 18.

³⁷ Ibid., 19.

Безусловно, данная чрезвычайная практика соблюдения справедливости является уязвимой и временной. Может наступить момент, когда необходимо отложить правосудие и принять страдания. Но до тех пор, пока такой момент не наступил, обычное функционирование правосудия расширяется и включается в международную сферу, когда на преступление войны можно справедливо ответить войной. Здесь мы находим наиболее острую и парадоксальную форму мысли о том, что любовь временами может наносить удар и даже лишать жизни.

4.2 «Справедливая война» – путь ученичества для христианской церкви

Церковь не только призывает законную власть к подобному проявлению христианской любви, но также и сама ее практикует. Христианское сообщество призвано стремиться к справедливости и к проявлению любви к ближнему в повседневной жизни – когда мы трудимся на работе, оказываем гостеприимство и служим бедным, заботимся о семьях и общаемся с друзьями. Такой же вид верного ученичества, какой христиане должны проявлять в мирное время, должен распространяться и на время войны. Это не какой-то список установленных правил, не действующий в мирное время (как воспринимают многие традицию «справедливой войны»), а всеобъемлющий образ жизни³⁸.

Подобный образ жизни укоренен в христианской общине, в церкви, согласно правилам и исповеданиям, основанным на Писании. Это подтверждает важность того, чтобы воины-христиане получали духовную и практическую поддержку от церкви, которой они принадлежат. Им важно не терять связи с общиной верующих, чтобы понимать волю Божию для собственной жизни в военное время. Они также нуждаются в молитвенной поддержке общины. Кроме того, в общине верующих они видят образец поведения в повседневной жизни, который они будут стараться переносить в исключительные условия ведения военных действий. Ведь цель справедливой войны, по сути, не отличается от целей, преследуемых в иных формах христианской жизни: она также означает взять свой крест и следовать за Христом, любить Бога и служить ближним. Это значит, что, традиция справедливой войны является правилом жизни для христиан, оказавшихся в условиях войны, в той же мере, как она является

³⁸ Bell, *Just war*, 74.

руководством для правительств и государственных деятелей в принятии решений.

Рассуждая об образе жизни, нет необходимости сосредоточиваться на правилах, но, скорее, – на формировании характера и добродетели. Правила и законы имеют важное значение, но христианская позиция намного шире. Во время войны, когда жизнь подвергается опасности и решения нужно принимать моментально, недостаточно просто следовать правилам. «Безумие» войны не позволяет предусмотреть правила для каждой ситуации. Проблема усугубляется из-за появления новых методов ведения войны и более совершенного вооружения. С христианской точки зрения принятие правильных решений становится даже более трудным, когда осознаешь глубину противоречий, описанную апостолом Павлом в седьмой главе Послания к Римлянам и заключающуюся в том, что грешные люди часто не следуют правилам, даже когда они возрождены и имеют желание им следовать.

Именно это обстоятельство действительно делает добродетель и характер столь важными – они помогают человеку поступать справедливо и с любовью не только в отдельных случаях, но делать это постоянно, в силу привычки. Именно так должны поступать в христианском сообществе. Будучи научены Духом через Слово, а также другими верующими в общине, следуя их примеру, христиане приобретают характер. Их образ жизни становится подтверждением Божьего ответа на молитву Павла из Послания к Филиппийцам 1:9-10: «...чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов». Именно это характеризует воинов-христиан, участвующих в «справедливой войне», – они проявляют мудрость и проницательность в особых ситуациях, познавая, что есть добро и справедливость. Дух формирует характер, который знает, как поступать под давлением и во мраке войны, где, как кажется, не до вопросов этики, – характер, который необходим для следования нравственным законам в условиях войны³⁹.

В этом разделе концепция «справедливой войны» освещена как ориентир для государственных деятелей в сфере международной политики и как инструмент для созидания христианского характера в общине верующих. Это служит не только установлению Божьей справедливости в политике (что, конечно же, происходит), но также формирует и христианскую жизнь.

³⁹ Ibid., 86.

5. Заключительные замечания

Говорить или писать об этических вопросах всегда легче, чем применять их в практических ситуациях. С одной стороны, конкретная ситуация всегда намного сложнее, чем теория, а с другой стороны, применение теоретических выкладок в практической ситуации приводит к появлению последствий, которые не всем приходятся по вкусу. Особенно это относится к этическим вопросам по отношению к войне, где существенное влияние имеют национальные чувства, лишения и личное горе. Однако не следует уклоняться от применения этических наставлений Писания в конкретных жизненных ситуациях. Я в этом буду краток, и это будет лично мое понимание.

Проживая в Украине последние полтора года, следя за новостями и становясь более осведомленным в политических и культурных особенностях славянской истории, я убеждаюсь, что украинский народ ведет «справедливую войну» против российской агрессии. Незаконная оккупация Крыма, как и скрытая агрессия на востоке Украины, требует восстановления справедливости (справедливая причина). Перед Божьим престолом, основание которого – правда и суд (Пс. 96:2), украинское правительство, признанное большинством украинцев как законная власть, наделено полномочиями предъявить справедливые требования по возмещению ущерба, причиненного российской агрессией. Произойдет это или нет, покажет время. На момент написания данной статьи украинское правительство демонстрирует намерения и желание руководствоваться принципом «последнего средства», следуя условиям Второго Минского соглашения.

Ко всему, что здесь говорилось, необходимо упомянуть негативное влияние как российских, так и западных средств массовой информации в данной ситуации. Много написано о пропаганде в советском стиле, развернутой в российских средствах массовой информации, а также о ее сходстве с пропагандой, описанной в романе Джорджа Оруэлла «1984». Однако западные (а также и украинские) средства массовой информации могут, в конечном результате, оказаться такими же предвзятыми и нацеленными на (различные) формы обработки сознания, как их российские коллеги. Христианам следует придерживаться взвешенной позиции в такой ситуации, молясь о мудрости для отделения истины от лжи, и объективно изложенных фактов от пропаганды.

Последнее пожелание для церкви в Украине: церковь должна стремиться к тому, чтобы быть общиной учеников, последователей Христа,

любящих Бога, которые служат ближним даже в условиях войны или даже когда этот ближний оказывается в числе врагов. Как никогда ранее церкви следует воздерживаться от политических проповедей, а все более сосредоточиваться на обучении своих членов, как правильно поступать в этой ситуации, оставаясь истинными верующими. Являть Божью справедливость неимущим, вдовам и сиротам, когда экономическое давление усиливается, а тучи войны сгущаются. Вопль о справедливости душ, находящихся под жертвенником (Откр. 6:9-10), должен находить отражение в справедливых делах верующих. Церковь должна быть народом «справедливой войны», который ведет сражения на всех фронтах, в том числе и на полях войны.

Эрик ван Альтен

профессор Евангельской реформатской семинарии Украины

Библиография

Bell, D.M. *Just war as Christian discipleship. Recentring the Tradition in the Church rather than the State*. Michigan: Brazos Press, 2009.

Douma, J. *Gewapendevrede* [Ethischkommentaar 6]. Kampen: Kok, 1980.

Freiberger, E. *Just War Theory and the Ethics of Drone Warfare*, <http://www.e-ir.info/2013/07/18/just-war-theory-and-the-ethics-of-drone-warfare/>.

Grotius, H. *De Jure Belli ac Pacis Libri Tres*. Translated by F.W. Kelsey. Buffalo: Hein, 1995.

Mattox, K.M. *St Augustine and the theory of just war*. London / New York: Continuum, 2006.

Obama, B.H. *A just and lasting peace*, http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2009/obama-lecture_en.html.

O'Donovan, O. *The Just War Revisited*. Cambridge / New York: Cambridge University Press, 2003.

Plato. *Republic*. Translated by G.M.A. Grube. New York: Hackett Publishing, 1992.

Robinson, P. (ed.). *Just War in Comparative Perspective*. Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2003.

Von Clausewitz, C. *On War*. Translated by J.J. Graham. London: Wordsworth, 1997.

Weigel, G. *The Just-War tradition. Obama's Oslo speech presumes too much about a centuries-old intellectual tradition*,
<http://www.nationalreview.com/article/228786/just-war-tradition-george-weigel>.